

Нежнейший аромат духов из картонной коробочки пастельных тонов заставлял мечтать. Сегодня она купила их у местного коммерсанта Пишика. Он не был фарцой в чистом виде, лишь иногда приторговывал фирмой. Пишик был весьма упитанным кооператором, открыв первое кафе при заводской столовой. Без арендной платы пускал комитетчиков от комсомола на дискотеки в свое кафе. Коктейли уже, конечно, были за плату. За эти «щедроты» он и поехал по комсомольской путевке в далекую и волшебную Югославию. Югославия это вам не Болгария. Там все по-другому. И комитетчики шагали за Пишиком по старинным улочкам городков этой страны. Потому как Пишик быстро соображал, где и почему что купить и где выгодно поменять рубли на динары. Эта валюта практически олицетворяла доллары. Само собой Пишик прикупил товаров на продажу. И эти югославские духи. И она купила эти духи. Пишик скидки не сделал. Да она и не просила. Ее зарплата секретаря комитета комсомола крупнейшего советского завода позволяла не торговаться. Разноцветные лампы мигали под потолком, крутился шар из кусочков зеркал, отражая с сумасшедшей скоростью разноцветные огни. Музыка грохотала, вынуждая танцующих только улыбаться друг другу. Голосов было не разобрать. Все счастливы. Счастлив и Пишик. Коктейлей сегодня заводские комсомольцы заказали столько, что это позволило окупить ему расходы награничную поездку. Наборные каблуки польских, болгарских и венгерских босоножек на столь дефицитном капроне стройных ножек юных комсомолок лихо отплясывали под итальянцев. «Феличиту» пели все и даже на застольях. Теряя итальянское произношение, но не теряя энтузиазма. Пишик привез с собой кассету одной югославской певицы. Приятные балканские мелодии, сильный голос. Певица носила непривычное для русского уха имя Милица. И Пишик поставил ее кассету, делая передышку от итальянцев. Медляк. Но энергичный. На всякий случай сказал в микрофон:

— Белый танец!

Комсомолки кинулись приглашать комсомольцев. Но медляк быстро сменился на

лихие балканские хоровые. И медляк затоптался, парочки рассыпались, как бисер от многослойных бус. И вот уже все пляшут, лихо взявшись за руки.

— Пишик, кто это?— слышатся вопросы от танцующих.

— Югославская певица! Специально для вас привез!

— Дай переписать!

— Не бесплатно. Нет вопросов. Ноу халява,— уточнил предприимчивый Пишик.

— А то! Сколько хочешь?

— Кассета по пятере. Меньше не могу, ребят,— жалился Пишик. И все знали, что меньше пятеры не опустит никогда.

Все стали расходиться. Пишик закрывал заведение. Культурно и настойчиво провожаивая пытающихся остаться. Комсомольская дискотека закончена. Выходят группами, разбиваются на парочки и исчезают в темноте близлежащих дворов.

— 2 —

— Вон, видишь его? — Милица стучала пальцем в стекло поезда, пытаясь показать на переезде мальчугана своему спутнику.— Он всегда встречает и провожает все поезда из Загреба в Белград и обратно.

— Его отец обходчик? — спросил ее спутник.

— Не знаю. Может быть.— Милица пожала плечами в модной кожаной куртке-косухе. Руководитель ансамбля, в котором она пела, строго следил за имиджем своих артистов. Она подстригла каскад и сделала крутую «химку». Ее волосы и без того были пышными и густыми, но химка дань моде и она не могла ей не следовать. На подходе запись нового диска и все предвещают ему невероятный успех. Милица ехала домой к родителям и сестре. Привезла ей много красивых модных нарядов и гостинцев родителям и бабушке. Дедушка растрогался от гордости за нее, его старшую внучку, ставшую знаменитой певицей на Балканах. Дедушка помнил войну. Называл русских братушками и в день Девятого мая каждый год пил ракию по два стаканчика. В этот раз она приехала не одна, а с Радованом. Радован деду не понравился, и это заметил ее спутник. И только сестра за столом шептала ей в ухо:

— Он и вправду руководитель «Южного ветра»?

Милица смешно закатывала глаза и кивала в ответ сестре.

Потом они гуляли по окрестностям. Трава в поле пахла детством, солнечными знойными деньками с ароматом чесночницы и прозрачными крыльями стрекоз. Под мостиком через речку цвели кувшинки. Мама напекла ароматного хлеба и сварила любимую ею гречневую кашу. Большой солнечный кусок топленого масла плавился в ней не торопясь. Милица схватила ложку и зачерпнула еще горячей каши. Протянула ее Радовану. Но он отрицательно качнул головой.

— Не любишь кашу? — по-детски удивилась Милица.

— Наелся в детстве,— сдержанно ответил Радован.

Когда они уезжали, мама и сестра плакали на перроне, а Милица долго махала им, высунувшись из окна.

— 3 —

Узкий переход между зданиями заводоуправления и конструкторского бюро всегда полон людей. Место перекуров. Кто с кем, когда и как — темы здешних бесед. На выходе из перехода дверь заводского комитета комсомола. Лара не ходила через переход, стараясь обойти шутящих курильщиков через улицу. Даже в лютые морозы, в капроне и туфельках с игриво накинутым на плечи пальто, она героически ходила через улицу.

Сегодня заседание комитета комсомола завода по важному вопросу: распределение путевок в солнечную Югославию. Лара знала, что одна путевка для нее. Но в

совсем посторонней кампании ехать не хотелось. Когда все собрались, она написала на бумажках фамилии претендентов, скомкала эти бумажки и положила в большую деревянную вазу, стоявшую на подоконнике с незапамятных времен. При извлечении этих бумажек в порядке очередности возникла суета. Перспективный молодой конструктор первым достал из вазы бумажку, развернул и прочитал фамилию. Да не ту, которую ей хотелось.

— Вы почему торопитесь? — строго сказала она ему. — Я еще не дала старт жеребьевке, а вы уже достаёте.

В момент этой гневной речи Лара выбросила в мусорную корзину эту первую появившуюся из вазы бумажку.

— Итак, начнем, — торжественно объявив начало, Лара собственноручно достала из вазы следующую бумажку. Оказалось, что с нужной ей фамилией. Она повернулась к молодой комсомолке, работавшей технологом в одном из заводских цехов:

— Начинайте вести протокол нашего собрания. Пишите фамилию первого претендента.

В это время суетливый и все время улыбающийся комсорг заводоуправления выудил из вазы очередную бумажку, и опять не ту, на которую она рассчитывала.

— Товарищи, я требую соблюдать регламент! Это же важное официальное мероприятие. Прошу без самостоятельности! — она выбросила и эту бумажку в корзину. — Итак, продолжаем!

Ее рука достала из вазы бумажный комок. Фамилия в нем оказалась нужной.

— Мы завершаем голосование по кандидатурам для поощрения туристическими путевками в братскую республику Югославию. Все свободны. Идите, работайте, товарищи.

Все потянулись к выходу. Для поездки оставалось пройти собеседование в райкоме, да купить две бутылки водки, один фотоаппарат «Смена» и наручные часы «Чайка». Это разрешалось провозить через границу и эти товары из СССР югославы охотно покупали.

— 4 —

До концерта в селе оставалось не так уж много времени. Из Румынии Радован привез ткань. Милица с сестрой шили и по ночам новое концертное платье. Новомодный люрекс переливался, как снег на солнце, обещая еще ярче сверкать при свете клубных софитов. В Загребе открылась зимняя олимпиада. На ее открытии советская делегация была одета в дубленки с накинутыми поверх них яркими цветными павлово-посадскими шальями. Милица теперь замечтала о такой шали и думала, где ее раздобыть. Может быть, у спортсменов попробовать купить.

Мама сварила бульон из домашней курицы и накармливала Милицу, причитая, что дочь совсем исхудала на гастролях.

— Мама, мне нужна фигура! — твердила ей Милица.

— А мне нужны внуки, — возражала мама. — А с таким весом кому ты можешь понравится, кожа да кости!

Милица ела наваристый суп, а потом за домом прыгала на скакалке. Отец собирался в Белград на какую-то манифестацию «Югославия для славян». Ходили разговоры, что жители Косово устраивают там же свою манифестацию «Косово косоварам». Но эта гражданская неразбериха мало волновала Милицу. Платье было готово. Маленькое мини с открытым декольте и плечами повергло маму в шок, а отцу и не показывали его вовсе. Современная эстрада требовала блеска и максимальной оголенности. Туфли на высоченной шпильке куплены у частных продавцов. В магазинах продается только «удобная» обувь. Драгана снова уезжала из дома. Мама заботливо паковала отварную курицу ей в дорогу.

— Мама, ну куда же я с ней?! — противилась звезда.

Но курица благополучно доехала до места назначения и была враз съедена музыкантами «Южного ветра» под ароматную виноградную ракию.

Протяжные переливы ее голоса со сцены заставляли зрителей в зале то плакать, то смеяться. Они аплодировали ей стоя. Кричали, какая она прекрасная и талантливая. Ее земляки. Она любила их как каждый любит свой народ, единый по крови и вере. Эти люди целыми днями работали в полях и на фермах, как и ее родители. Варили своим детям куриный бульон и жарили по праздникам свинину. Запивали ее ракией и частенько пели их народные песни. Те, что поет сейчас для них она.

— 5 —

В уличном кафе все столики были заняты. Официанты юрко сновали между гостями с чашками послеобеденного кофе. Его аромат витал над столиками и разносился по всему кварталу центрального Белграда. Здесь кофейни всюду. Вывески «Кафана», как осколки турецкого ига, рассыпались по улочкам этого древнего города.

Милица словно кошка щурилась на солнце, наслаждаясь древним напитком. Она изящно держала чашку рукой, одетой в кружевную митенку. Тренд сезона в сочетании с кожаной курткой. Из-за ее спины возник букет цветов. Ромашки. Миодраг обогнул ее и, чмокнув в напудренную и нарумяненную щеку, сел за столик.

— Мио, я же просила тебя: никаких полевых цветов! — надула губки Милица.

— Букетик нежности не по вкусу фолк-звезде? — Миодраг залиvisto рассмеялся, запрокинув голову, и его черные густые волосы растекались по плечам.

— Смеется тот, кто смеется последним, — сумничала Милица.

— Последним смеется тот, кто не понял шутки, детка, — возразил Мио.

— По поводу звезды ты ошибся. Меня сегодня выперли из «Южного ветра»! — чуть не плача сказала ему Милица.

— Да? И кого же они взяли на твое место?

— Естественно новую пассию Радавана!

Они допили кофе и пошли к мотоциклу Мио. Ромашки остались на столе, грустно глядя им вслед желтыми своими очами. Мотоцикл рванул с места и понесся по улицам, петляя среди машин и пешеходов. Милица счастливо смеялась, крепко держась за Мио.

— Вот он, настоящий южный ветер, милая! — кричал ей Мио, и его слова расхватал ветер, не пуская их к Милице.

— Куда мы приехали? — спросила Милица, когда мотоцикл остановился около входа в советское посольство.

— Мы едем в тур. В тур по Советскому Союзу! — Мио протянул ей руку, приглашая подняться по ступеням посольства.

— Ущипни меня! Как ты это организовал? И с кем я буду выступать? Где ты возьмешь музыкантов для этого тура? — Милица не верила своим ушам.

— Я все устроил, детка. Идем получать въездные визы. А с твоими будущими музыкантами я познакомлю тебя позже. Тебе предстоят большие репетиции.

Она кинулась к Мио на шею. Целовала его и обнимала. Прыгала вокруг него со словами: «Я теперь звезда!» Наконец ему удалось затащить ее внутрь.

— 6 —

Сегодня Лара достала из упаковки единственную новую пару колготок небесно-голубого цвета с черной блестящей пальмой на шиколотке. Из шифоньера извлечено клетчатое розово-бирюзовое платье — только что от портнихи. Надо нарядиться. В заводском дворце культуры сегодня концерт югославской певицы. Ее закадычная

подруга Ольга к такому случаю связала новый зеленый костюм с разноцветными бантиками на кофте. Прямая мини-юбка открывала ее ноги не совсем по моде, но очень секси. Все женщины большой страны стремились к такой длине своей одежды. Новые номера журнала «Бурда» передавались из рук в руки и сотрудницы цехов и отделов завода без усталости кроили и шили. Кто не умел, копировали модели в отделе технической документации на огромном станке под названием «ЭРА», оставляли шоколадки работнице «Эры» и бежали с этими черно-белыми листочками к своим портнихам. Таблетки гидроперита толкли в кулинарных ступках, смешивали их с аммиаком и красили волосы. Блондинами хотели быть все. Ее подруга была блондинкой от природы. Длинные волосы завивала на бигуди и закалывала ассиметрично с боку заколкой — автоматом. Перламутровая помада и перламутровые стального или голубого цвета тени дополняли образ каждой модницы.

Вечером фойе ДК сверкало и переливалось люрексом одежды, блестками бижутерии. Аплодировали югославской певице от души. Протяжный и одновременно зажигательный балканский турбо-фолк пришелся по душе зрителям в зале. Здесь все знали друг друга. На заводе работают семьями и целыми династиями. Женщины из зала внимательно разглядывают одежду, прическу и украшения зарубежной певицы. После концерта Лара с Ольгой на эмоциональном подъеме перешли дорогу и заказали по коктейлю в баре у Пишика, немного потанцевали и разошлись по домам.

— 7 —

Запись песни на югославском телевидении — это слава. Белая широкополая шляпа, белые брюки и белый двубортный пиджак оттеняли ее черные кудри. Перламутровая помада подчеркивала смуглость кожи. Она пела на вентилятор. Камера снимала ее развевающиеся от ветра локоны. Она пела о свидании на берегу, и все зрители у экранов телевизоров были уверены, что ей в лицо дует морской бриз, а не старый редакционный вентилятор с треснувшими кое-где лопастями. Съемки закончены после операторского выкрика: «Снято!» Все враз, словно воздушные шарики, сдулись. Милица вытирает грим влажной салфеткой и идет к кофейному автомату, снимая на ходу белоснежный пиджак.

— Мадам Милица! — кричит на весь коридор ассистент оператора. — Вас просят к телефону!

Милица, вздохнув, разворачивается и идет обратно, перекинув пиджак через руку. Проходя мимо ассистента, замечает:

— Не мадам, а мадмуазель.

— Но вас спрашивает мужской голос, — ехидничает ассистент, неловко поправляя на носу круглые очки в тонкой металлической оправе. А Милица уже кричит в трубку:

— Да, дедушка! Слышу тебя! Я привезу Радице фотокарточку! Обязательно! Так и скажи ей!

Милица кладет трубку на рычаг и оборачивается к ассистенту:

— Ты запомнил: мадмуазель?

Она берет сумку и уходит, даже не взглянув на кофейный автомат в коридоре. У крыльца на мотоцикле ее ждет Мио. Она целует его и садится сзади. Ветер ловит его слова, а ей бросает лишь осколки. Она кричит ему:

— Все хорошо! Я теперь звезда! Звонил дедушка и просил для соседней мои фото с автографом!

Она не знает, доносит ли ветер ее слова до Мио. На берегу Дуная они сидят прямо на песке. Целоваться уже нет сил. Солнце сегодня ласковое и потакает июньскому ветру, играющему с водами реки, отражающими тысячу солнц. Дунай — река любви.

С утра Пишик отирался в комитете комсомола. Давал Ларе советы, что, где и как купить в Югославии, а свое продать. Валюты меняли совсем мало, а хотелось красивых импортных нарядов и косметики. Она слушала его вполуха. Разбирала бумаги на столе и составляла список на выдачу комсомольских билетов и значков вновь вступившим. Затем кабинет заполнился людьми, внесли корзину с цветами. Гвоздики в корзине были крупные и свежие. К означенному часу все двинулись к выходу, перешли дорогу и выстроились в ровную шеренгу перед памятником героям Великой Отечественной войны. Сегодня, двадцать второго июня, в день памяти и скорби, они возлагают цветы. Потом все спешат на обед. Кто-то в заводскую столовую, а кто-то в ресторанную закусочную через дорогу. В заводской столовой дешевле, а в ресторанной закусочной разнообразнее. Пишик, конечно же, идет в сторону ресторана. Большинство — к заводу. К Ларе подходит ее подруга Ольга:

— В столовую идем?

— Да. Очень есть хочется,— отвечает Лара.

— Что с собой брать то? — взволнованно вздыхает подружка.

— Купальник не забудь. На море будем несколько дней.

— Я на море никогда не была,— вздыхает подружка.

— А я один раз в детстве с родителями,— отвечает она,— но уже ничего не помню, кроме самого моря.

Они смеются. В столовой берут по салату, суп и второе. Ну и конечно компот из сухофруктов! Царь любого советского обеда.

— Кто еще с нами едет? — спрашивает подружка.

— Пока не знаю,— отвечает она.

К ним подсаживается Яна из второго цеха.

— Привет, девочки! Как дела? — жизнерадостная Яна скоро выходит замуж. У нее будет настоящая комсомольская свадьба в кооперативном кафе у Пишика. Комитет комсомола уже подготовил сценарий и поздравления молодым.

— Все хорошо!— отвечает Лара.— Ты туфли свадебные купила?

— Уф! С туфлями целая эпопея. По талону в Свадебном салоне туфли только тридцать девятого размера. Мама на какой-то базе обувной в Черниковке договорилась обменять их на мой тридцать седьмой. Но зато они венгерские!

— Здорово! — воскликнули в один голос Лара и Ольга.

— Ян, дай талон в Свадебный салон, я сейчас туда сбегая и шорты себе красные куплю. Там их вчера продавали. Но без талона из ЗАГСа никак. Я как только продавщицу не уговаривала. А шортики тоже импортные. По-моему, чешские.

Яна достала из сумочки заветный талон и отдала его Ольге.

— Только не потеряй! Я еще жениху там рубашку на свадьбу не купила!

Но Ольга уже неслась к выходу.

Наконец-то поезд, чухнув, остановился на перроне Белградского вокзала. В тамбуре у выхода возникла толкотня. Все спешили на свежий воздух. Трое суток из Москвы транзитом через Румынию с ее бесконечными виноградниками и горами деревянных тарных ящиков вдоль железнодорожного полотна. На станциях оборванные и нечесанные цыгане жестами просили закурить. Цыганки в пестрых одеждах спали на скамейках. Двери на станциях в транзитных поездах не открывали. И вот прокуренные тамбуры выпустили весь дорожный дым. А проводницы по купе собирали в мешки пустые бутылки из-под русской водки, так и не успевшие стать контрабандой.

Солнце буквально окружило всех и каждого. Туристический автобус ждал на

привокзальной площади. К соседнему вагону подошла компания молодых людей с пышными модными стрижками. В руках цветы, на лицах радость. Из вагона спустилась девушка в кожаной короткой куртке и с такой же прической, как у встречающей ее компании. Все кинулись к ней, обнимали, целовали, передавали букеты.

Ольга сказала Ларе:

— Узнаешь? Это ведь та югославская певица, что у нас во дворце культуры выступала!

— Точно! Значит, она с нами в одном поезде ехала?

— Пойдем автограф у нее возьмем! — не унималась подруга.

— А можно? — заинтересовалась Лара. Но Ольга уже бежала к соседнему вагону, волоча в одной руке набитую дорожную сумку с надписью «СПОРТ». Она протиснулась сквозь группу встречающих и протянула певице блокнот и ручку. Улыбалась и повторяла:

— Автограф, пожалуйста, дайте!

Певица повернулась к встречающим и что-то сказала. Они рассмеялись. А она взяла блокнот и ручку, что-то написала и протянула обратно Ольге со словами:

— Я люблю Россия. Я там пела!

Ольга закивала головой:

— Знаю, знаю. Мы были на вашем концерте!

Певица удивленно вскинула брови, затем протянула Ольге руку:

— О! Я очень радость!

Оля пожала руку певицы и, помахав остальным, пошла к туристическому автобусу. Автобус тронулся и из динамиков зазвучало: «Мой маленький плот вовсе не так уж плох».

— Ой, посмотри, что это? — раздавалось со всех сторон в отельном ресторане за завтраком. Наряду с традиционными кашами, яйцами и колбасами на столах разложены маленькие коробочки с маслом и ягодными джемами.

— Надо взять их с собой домой, — деловито сказала Ольга, напихивая этими коробочками карманы спортивной мастерки. Так делали все. И Лара тоже положила несколько коробочек в карман.

После завтрака все погрузились в автобус и поехали на экскурсию по Белграду.

Белград оказался городом старинным. Они смотрели в окна автобуса, восхищались обилием роз на улицах, вечером после ужина собрались всей группой в одном из номеров и пили водку, которая сохранилась только у Ольги в дорожной сумке. Закуски нанесли с ужина из отельного ресторана с избытком. Грезили о том, кто что купит.

Утро в отельном окне обещало солнечный и интересный день. После завтрака уезжали в Нови—Сад. Ехали долго, останавливались пару раз в маленьких городках. Сидели в кафе, курили, пили кофе, ели огромные югославские персики, купленные у местных. Сок от персиков тек по подбородкам, было вкусно и весело. На очередном таком привале за соседним столиком увидели ту самую знакомую певицу. Ольга бросилась к ней с объятиями. Певица обрадовалась ей как старой знакомой.

И вот уже все сидят за одним столиком, поют «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок...». Певица вполне сносно говорила на русском языке, называла Ольгу и Лару «другарками». А вечером они встретились в условленном месте в городке Нови-Сад и отправились на дискотеку. Утром после завтрака руководитель группы распекала их за самовольство. Они кивали головами и знали, что самовольство повторится... Югославская певица с гастрольным туром ехала по тому же маршруту к морскому берегу в Дубровнике.

Берег этот был невероятно хорош! С мягким теплым песком и нежным морем. Сосны на берегу делали воздух нереальным. Это место, где ты счастлив. Даже если в других местах мира ты этого не знал. Их югославская подруга пела на дискотеках и сборных концертах. Раздавала им свои букеты и водила по барам.

— Мио! — кричала она, идя к морю. Ноги утопали в теплом бархате песка. Ярким лимонный бикини бледнел на ее уже загорелом теле.

— Мио! — она вошла в воду, ступая по отмели. Вода приятно ласкала ступни. Мио шел к ней по морской глади, стройный и мускулистый. Мокрые волосы мелкими спиральками спадали на его загорелые плечи. Она невольно вновь залюбовалась им. Он целовал ее нежно, как ребенок, который боится, что пирожное рассыплется. В мире царил нег. А вечером Ольга говорила Ларе, что нельзя уводить парней подруг.

— Она мне не подруга! — возразила Лара.

— Но ты с ней знакома! — не сдавалась Ольга. — Мио ее парень!

— Он что, крепостной? — Лара засмеялась.

— Она к нам хорошо относится, а ты?

— Что я?

— А ты увела у нее парня!

Ольга села на свою кровать в их четырехместном бунгало с раковиной и обеденным столом. В этом прибрежном молодежном туристическом лагере в центре Европы удобства были на улице, словно в какой-нибудь советской деревне. Лара смотрела, как Ольга, сосредоточенно глядя в зеркало, втирает тональный крем в кожу лица и шеи, как наносит румяна на скулы и аккуратно, почти не дыша, выводит модные стрелки на верхних веках.

Лара вытряхнула из косметички вазелин и намазала им губы. Забрала волосы в хвост и надела новый бирюзовый джемпер, купленный здесь два дня назад. После ужина в столовой их ждали дискотека, местные коктейли, а Лару еще и поцелуи от Мио. Во всяком случае она на это рассчитывала.

Когда подруги уже собрались выходить, с пляжа вернулась их соседка по комнате. Со словами «Подождите меня», она засунула голову под кран в раковине. Отжала мокрые волосы. Химическая завивка на волосах от воды стала мелкими завитушками. Соседка называла это «мокрой» химкой. С удовольствием оглядев себя в зеркале, она повернулась к Ольге и Ларе:

— Ну что, пошли, девчули?

Те кивнули и все вместе, не торопясь, пошли в сторону столовой. Завтра они уезжают домой.

Автобус остановился у Белградского вокзала. Все забирали свои сумки, пакеты и шли к перрону. Московский поезд уже подали, как всегда, на первый путь. Мио с огромным букетом роз стоял на перроне. Ольга укоризненно посмотрела на Лару.

— И что? Я уезжаю, а он остается этой певичке, — ответила она на безмолвный вопрос подруги.

Мио отдал Ларе розы и ушел не прощаясь.

— Розы — мужские слезы, — пропела Ольга.

— Не смехи. Розы завянут в поезде через пять минут, — печально ответила Лара.

— А кто сказал, что мужские слезы — это надолго?

Лара с Ольгой зашли в поезд и стали накрывать столик в купе. Достали из пакетов брынзу, лече, конфеты. Последней появилась бутылка ракии.

— С утра? — вскинула удивленно брови Лара.

— За высохшие слезы, — ответила Ольга.

Поезд тронулся, замелькали в окне люди, дома, поля.

— А все-таки она хорошо поет, — задумчиво, глядя в окно, проговорила Ольга.

Лара поджала губы и, кивнув на розы, лежащие рядом с ней на полке, ответила:

— Похоже, не очень.

Подруги засмеялись.

На комсомольской свадьбе Яны гуляли весело в кооперативном кафе у Пишика. Лара, пытаясь перекричать подвыпивших гостей, провозгласила:

— А сейчас конкурс! Кто быстрее и больше надует воздушный шарик!

Все стали хватать у нее из рук шарики, слышались хлопки лопающихся и девичий визг. И вот уже с десятков надутых воздушных шаров трепыхаются вокруг праздничного стола. Лара внимательно их оглядела. Приметила один и, глянув на слегка не трезвого комсомольца, держащего этот шарик, спросила:

— Ты надул?

Комсомолец кивнул. Лара громогласно провозгласила:

— Вот он! Лучший надувальщик коллектива! — и вручила ему блокнот в качестве приза.

Затем все принялись снова пить за молодых. В зал вошли двое милиционеров в форме. Мама невесты взволнованно бросилась к стражам порядка со словами:

— Проходите! Угощайтесь! У нас свадьба безалкогольная, комсомольская.

Стражи порядка важно закивали. И все понимали, что на столах в бутылках из-под минералки разлита водка.

Мама невесты сунула одному из милиционеров двадцатипятирублевую купюру. Тот засунул ее в карман кителя, и они ушли. Подружки невесты и друзья жениха потянулись в туалет курить. Невеста грустно смотрела им вслед. Ребята из приглашенного ансамбля заиграли «Дорогу к морю». Подвыпивший пожилой родственник пытался танцевать «Яблочко». Новоявленная теща урезонивала его:

— Иван, не мешай уж. Молодежь гуляет.

Иван, не сдаваясь, выкаблучивал по старой морской привычке.

К Ларе подошла невеста и спросила:

— Саню не видели?

Лара пожалала плечами. Знала, что жених с Ольгой либо в мужском туалете, либо в подсобке кафе. А куда еще деться жениху на собственной свадьбе, если его бывшая подружка на этой свадьбе не его невеста и ее тоже нет в зале. И бывшая ли...

— Курит, наверное,— ответила Лара.

— Нет его там,— невеста еще раз обвела взглядом зал. Тут Иван стал вокруг нее плясать свое «Яблочко», наступая на белый кружевной подол.

— Мужчина, отстаньте от невесты! — строжила гостя Лара.— Она и так устала.

Заметила, как в зале появился жених и Ольга. Лара облегченно выдохнула и завела новый конкурс.

Импресарио в Вене вполне сносно говорил на сербо-хорватском языке. Милица кивала в такт его словам.

— Уважаемая госпожа Милица, один австрийский меценат, хорват по происхождению, пожелал оплатить все расходы по организации ваших концертов здесь, в Вене.

Милица удивленно подняла брови.

— Да! Да! — продолжал импресарио.— Он же ваш земляк! И теперь вы можете дать у нас не один, а три концерта!

Не успела Милица, ошарашенная таким поворотом событий, ответить, как в дверях появился высокий импозантный мужчина. Импресарио бросился к нему:

— Здравствуйте, уважаемый господин Николич! Как я рад вашему визиту! А вот и наша молодая голосистая птичка! — импресарио повернулся к Милице.

— О, очень приятно! — мужчина галантно прикоснулся к ее руке.— Я ваш поклонник!

Милица растерянно улыбалась. Господин Николич понял ее смущение и дружелюбно добавил:

— Надеюсь, ваши концерты пройдут с аншлагом! В Вене небольшая диаспора сербов и хорватов, но у нас много австрийских друзей здесь, которые любят балканскую музыку. Тем более в таком прекрасном исполнении!

Милица раскраснелась. Импресарио подобострастно смотрел на мецената. Господин Николич заторопился и со словами: «До скорой встречи!» удалился.

— Теперь вы понимаете, как вам повезло, милая? — вернулся к ее персоне сухощавый организатор.

Милица пришла в себя и резко ответила:

— Во-первых, никогда не называйте меня птичкой. А во-вторых, запомните, что мне не повезло, а я родилась с талантом!

Она вышла, не попрощавшись.

Импресарио прошелестел ей вслед:

— Как быстро привыкают к хорошему.

Милица вышла на улицу и медленно шла вдоль домов и скверов этого старинного города. Думала, что когда-нибудь привезет сюда сестру, родителей и дедушку. Незвирая на удачное финансовое решение, она пообедала в дешевом уличном рыбном ресторанчике. А на следующий день после концерта она уже сидела с господином Николичем в самой дорогой кондитерской этого города. Смаковала легендарный торт «Демель» и слушала комплименты своего так неожиданно появившегося покровителя. Хрусталь старинных люстр отражал множество ламп, словно тысячи солнц. Она вспомнила Дунай и Мио. На мгновение. Это кафе напоминало ей сцену. И вот господин Николич уже предлагает ей снять клип в Вене. Милица улыбается и спрашивает:

— На каких условиях?

Господин Николич без тени улыбки отвечает:

— Я бизнесмен. И рассчитываю получить с этого клипа прибыль, транслируя его на своем телеканале. Вы получите гонорар в полном объеме, но авторские права будут принадлежать мне.

Милица легкомысленно согласилась.

— 13 —

Сегодня субботник. Праздник физического труда. Комсомольцы собираются у здания третьего цеха. Здесь свалка промышленного мусора. Осколки старой арматуры, железяки, обрезки труб. Из динамика на стене цеха звучит известная всем песня: «...и Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди». Лара в модных дутьшах сероголубого цвета, коротенькая шубка, обрезанная из маминой искусственной под верблюжью. Теплая вязаная шапка и намотанный вокруг шеи шарф. Красоту и на субботнике никто не отменял. Приветственная речь участникам — и все начинают разбирать мусор, грузить в контейнер. Шутки, смех, как бусины, стучаются о металл и осколки кирпичей, и вновь звонко летят в светлое осеннее небо. Небо дышит снегом. Завтра демонстрация на день седьмого ноября. Праздник революции празднуют с размахом. Ольга шепчет Ларе на ухо, отогнув рукой край ее вязаной шапки:

— Ты только посмотри, стоит, матрону свою караулит. Можно подумать, что она кому-то нужна кроме него. Зубы у нее, как у лошади.

Лара шепчет ей в ответ:

— Тише ты. Не красиво. Она моя подруга.

— С такой чукоткой и дружить стыдно, — не унимается Ольга.

Лара наклоняется, чтобы поднять обрезок трубы. Ольга берет его с другой стороны. Тут перед ними возникает Саня и со словами «Девушки, разрешите», берет трубу у них из рук. Слышатся возгласы:

— Ну, ты герой!

— Кавалер!

— Жена-то тебя съест, чужим красоткам помогаешь!

Лара пресекает шутки:

— Если бы все вы парни так делали, то ваши жены вами бы гордились.

Комсомольцы притихают. И только неугомонный Пишик возражает:

— Так у нас равенство мужчин и женщин! Восьмое марта потому и празднуем!

Все смеются. Ольга кокетливо благодарит Саню. К ним подходит Яна и берет мужа под руку. Лара по обыкновению спасает положение:

— Спасибо, Саша! Привык жене помогать. Эх, Яночка, хороший у тебя муж!

— А мне плохой-то зачем? Да и кому плохие мужья нужны! — Яна обводит рукой, показывая на собравшихся, и продолжает. — Вон их сколько! И красавцев, и умников. А чего-то не больно разобрали... Видать, с изьяном товар — вот и залежался!

Девушки залиvisto смеются, а парни выкрикивают: мол, выбирают, это для них подходящих девушек нет.

Яна поворачивается к Ольге и продолжает:

— А за моим вон очередь! Оль, за тобой кто занимал? Или ты по-прежнему последняя?

— Дура ты, Янка! — Ольга демонстративно начинает собирать мусор, а Лара начинает раздавать указания к завтрашней демонстрации. Музыка из динамика придает колорита песней «Комсомольцы-добровольцы».

Технолог конструкторского бюро Танечка вполголоса спрашивает у Лары, где она купила дутыши.

— В Москве. К тетке в отпуск ездила, у нее соседка торгует дефицитом. Вот сапоги эти купила и парочку платков индийских.

— Один платок не продашь?

— Нет. Маме подарила. Про сапоги у Пишика спроси, может у него есть.

— 14 —

Проспект таял. Ровно посредине тротуара образовалась проталина, полная воды. Лара не совсем уверенно балансировала между сугробами и лужами в новехоньких итальянских сапогах на высоченной шпильке яркого кораллового цвета. Сапоги эти они с Ольгой купили в ГУМе. Выстояв огромную очередь, ухватили последнюю пару ее размера. Прохожие смотрели на Лару с восхищением. Ну, во всяком случае, ей так казалось. Зачем она потащилась пешком с завода в такую распутицу, — корила Лара сама себя. Конечно, цель такого пешего похода была. Она договорилась с одной малоизвестной женщиной, некогда соседкой по больничной палате, работающей в кондитерском магазине, о том, что та оставит ей свежий торт «Маска». Вот за этим тортом она и шла. Завтра у Ольги день рождения и она решила ее удивить. В продаже были только кремовые бисквитные торты. Но «Маска» случалась в продаже редко и за ней надо было выстоять очередь. Тортик забрала. Зашла в соседний гастроном. Там «выбросили» майонез. Очередь двигалась быстро, и Лара встала в конце. Через полчаса она стала обладательницей четырех стеклянных маленьких баночек майонеза «Провансаль». Обрадует и родителей. Можно делать селедку под «шубой». В троллейбус садиться не стала, побоялась помять торт. Так и шла, как эквилибрист, пешком. Из телефона-автомата позвонила Ольге домой и сказала, чтобы она торт не покупала и не пекла. Ольга обрадовалась.

Подруга сияла в новом платье. Все ее поздравляли. Дарили духи «Жизель» и «Москвичка» в коробочках, коробки конфет и шоколадки, букеты красных и белых гвоздик. Лара любит аромат «Жизели». Воздушный и цветочный. Хотя у соседа-фарцовщика Васьки-супа они с мамой покупают «Клема» и это необыкновенно. Аро-

мат духов этих был везде: на платьях, волосах, шарфах, шелковых платках. Васька-суп торговал всем: от французских духов до австрийских сапог. Лара в них и ходила зимой. Зарплата у Лары в комитете комсомола была как у ведущего инженера в конструкторском бюро. И к отпуску приплачивали еще размер оклада за сложность работы.

Вечером компанией отправились к Пишику в бар. Возвращались поздно. Поймали у кафе такси и разъехались по домам вскладчину. В такси Ольга шептала Ларе на ушко:

— Как ты думаешь, если я Саньку на концерт «Веселых ребят» приглашу, пойдет?

Лара повернулась к подруге:

— Ольга! Ты с ума сошла! Его жена моя подруга!

— Твоя. Твоя подруга, Лара. Не моя. А Санька мне давно нравится.

— Я этого не слышала.

Ольга засмеялась:

— Слышала! Слышала!

Таксист с армянским акцентом весело добавил:

— И я слышала.

Они обе засмеялись. Лара спохватилась и строго сказала таксисту:

— Ведите машину. Вас не спрашивают.

Таксист ответил:

— Какой ты грубый девишка. Вот твой подружка очень даже хороший!

Ольга повернулась к Ларе:

— Слышала! Я хороший! А ты забыла красавчика Мио? Его подружка была и моей подружкой!

— Господи! Они оба остались там. А мы-то все здесь.— На последних словах Лара грустно улыбнулась.— Хотя лучше Мио может быть, наверное, только Мио.

Ольга попыталась утешить подругу и спросила у водителя:

— Где тут ближайший бар?

— Милый девишка, тэпэр только в Хелсинки! Время уже одиннадцать и все бары закрыты. Люди спят.

– 15 –

С боснийкой Ханкой Палдум Милица теперь часто давала совместные концерты. Предконцертная подготовка позволяла поболтать за фужером вина и чашкой кофе. Ханка любит большие блестящие украшения, сияющий атлас и яркий шелк. Милица смотрит на нее, как на королеву сцены. Ханка и держит себя по-королевски. За кулисами говорят, что живет она в настоящем замке в горах.

— У тебя отличный парень! Он очень красив и видно, что любит тебя,— говорит ей Ханка.

Милица задумчиво отвечает ей:

— У этой любви нет крыльев...

Ханка внимательно посмотрела Милице в глаза:

— Значит ты его не любишь, девочка... Любовь не бывает бескрылой.

Милица вздохнула и развела руками. Ханка рассмеялась:

— Молодость и не должна быть мудрой. На то она и молодость!

Они пели дуэтом проникновенную песню об одном мужчине двух женщин. Зал плакал. Потом взорвался аплодисментами. Цветы не вмещались в объятия. Милица счастливо улыбалась. Потом в гримерке они пили красное сербское вино и Милица спросила:

— Почему на всех наших концертах именно эта песня пользуется наибольшим успехом?

— Потому что она про жизнь, девочка! — отвечала ей Ханка.

— А я никогда ни одного мужчину не стану делить с другой женщиной!

— Дай Бог, девочка! Дай Бог, чтобы тебе не пришлось это пережить. Пусть для тебя это будет только песня,— Ханка сложила руки как для намаза и рассмеялась.— Концерт окончен! Благодарю тебя за дуэт, другарица! С тобой легко работается.

Милица в свою очередь поблагодарила Ханку и добавила:

— Я хочу быть похожей на вас. И стать лучше вас!

Ханка захлопала в ладоши:

— Ты станешь звездой! В тебе есть фарт!

— А разве теперь я не звезда? — удивилась Милица.

— Звезда, девочка! Но у тебя большое будущее: ты станешь мега-звездой для наших соотечественников по всему миру!

— Так и будет,— храбро ответила Милица и стала прощаться с Ханкой.

— У вас очень красивое кольцо,— добавила Милица.

— Хочешь, я подарю тебе его?— с готовностью ответила Ханка.

— Нет. Спасибо. У меня будет свое. И оно будет лучше этого,— Милица помахала Ханке и исчезла за дверью гримерной.

— Дай Бог, девочка. Дай тебе Бог,— прошептала ей вслед Ханка и пригубила вина из высокого фужера. Оглядела цветочное великолепие букетов.

— Мир вертится по прежнему благодаря людскому тщеславию,— сказала Ханка своему отражению в зеркале, встала, накинула палантин и пошла к выходу. Дома ее ждали два персидских кота и новая видеокассета с фильмом «Время цыган» обожаемого ею Эмира Кустурицы. Он в свое время говорил ей, что война не поделила их:

— Мы как были югославами, так и останемся, все остальное блеф.

Тогда она возразила ему, что в их жилах течет разная кровь. И он перестал ей звонить и приходиться на ее концерты. СМИ называют его сербским националистом. А его фильмы говорят о нем как о космополите, исповедывающем общечеловеческие ценности. И за это Ханка любит его. За его огромный талант, поглощающий все остальное. Как море, которое выносит на берег осколки ракушек и останки кораблей. Но оно море.

— 16 —

В комитет комсомола влетела взбудораженная Ольга:

— Вот гад! Видите ли, он на концерт со мной идти не может! У него жена! Вот новость!

Лара картинно закатила глаза, встала из-за стола, обошла его и села на стол напротив Ольги.

— А ты не знала?

— Ой, вот не надо! Ты знаешь, о чем я! — отмахнулась Ольга.

— Вместо Саньки на концерт с тобой пойду я,— радостно сообщила подруге Лара.

— Ну да, а что еще остается,— Ольга направилась к выходу.— До вечера.

В конце рабочего дня во дворце культуры начался общезаводской смотр патриотической песни. Зал полон. На сцене, сменяя друг друга, выступают самодельные таланты. Лара поет в составе группы комсомольцев из семи человек. «Мы молоды и снова мы к подвигу готовы», летит в зал со сцены. Люди в зале подпевают, аплодируют. Жюри конкурса расположилось в первом ряду зрительного зала. Председательствует парторг завода.

После смотра все остаются на концерт популярной группы «Веселые ребята». В зале Лара садится рядом с Ольгой. Ольга шепчет Ларе:

— Хочу автограф!

Лара в ответ:

— Каак?

— Ты же комсомольский вожак, тире волшебник,— не унимается Ольга.

— Ладно, попробуем.

После концерта они проталкиваются к сцене, спускаются по лестнице вниз. Ольга открывает дверь в гримерку с сияющей улыбкой:

— Здравствуйте!

Из гримерки раздаются голоса:

— О, девочки! Заходите!

Ольга смело входит. За ней Лара. Красавчик — солист сидит на стуле, закинув ноги на гримерный стол. Оценивающие их оглядывают:

— Девочки, вы любите музыку?

Ольга подходит к каждому из музыкантов по очереди и дает им блокнот и ручку для автографа. Они улыбаются, расписываются в ее блокноте. Лара столбом стоит в дверях. Солист продолжает:

— А под музыку любите?

Ларе кажется, что она краснеет. Ольга уже направляется в сторону солиста, и он вальяжно добавляет:

— Ну давай я дам тебе автограф, а ты...

Ольга проходит мимо него к двери и перебивает поп-небожителя:

— А ваш-то мне и не нужен.

Они чинно выходят и слышат за спинами дружный хохот. Кто-то из музыкантов говорит:

— Вот она тебя сделала! Молодец, герла!

— Ты ж хотела его автограф,— тихо сказала Лара подруге.

— Да пошел он! — Ольга сложила блокнот и ручку в сумочку.— Кому показывать? Тебе? Так ты и так все видела!

Подруги засмеялись и заторопились в гардероб.

— 17 —

— Жизнь любой комсомольской организации во многом зависит от того, как работает комсорг,— Лара говорила с трибуны уверенно, бросая строгие взгляды в зал. Заводское партийное собрание всегда уделяло время докладу комсомольцев. Сегодня в докладе Лара бичевала прогульщиков, выпивох и не усердных комсоргов некоторых цехов и отделов. Легко апеллировала материалами двадцать седьмого съезда партии. Когда она закончила свою пламенную речь словами «Требование времени — перестроить стиль работы, проявив при этом активность», зал заплодировал. Лара села в президиум на сцене вместе с парторгом и секретарем райкома партии. Через два часа уже все участники собрания смотрели в этом же зале новое кино под названием «Асса». Перед началом сеанса искусствовед уточняла пороки героев.

Ольга догнала Лару на выходе из дворца культуры и зашептала ей на ухо:

— Мне наша подружка Милица письмо прислала! Красивущую ручку шариковую и жевачку!

Лара повернулась к Ольге:

— А что она пишет про Мио? Они поженились?

— Как бы не так! Милица бросила Мио и теперь выходит замуж за миллионера-капиталиста!

— Тише ты,— одернула подругу Лара.— Пойдем уже прогуляемся, и ты мне все расскажешь.

Они отправились пешком до следующей остановки, и Ольга взахлеб рассказывала новости из письма Милицы. Лара слушала ее вполуха, вспоминая Мио на Солнечном берегу. Как жаль, что она никогда не сможет больше увидеть его. Ольга дергала подругу за рукав:

— Кончай грезить! Слушай внимательно. Я узнала у секретарши в райкоме комсомола, что нам на завод выделяют пять путевок в Чехословакию!

— И что?

— Ты совсем не соображаешь! Это твой шанс встретиться с Мио! В Чехословакии! Понимаешь?

— Угу. А ты понимаешь, что ничего не понимаешь,— Лара картинно закатила глаза.— Как он узнает, что я его там хожу и жду?

— Вопрос...— задумалась Ольга.— Может, через Милицу? Он же ей уже и не нужен.

— Типа, передай своего парня мне, раз ты нашла другого?

— Ну да. А что тут такого? Хочешь, я напишу ей?

— Не выдумывай! Вон лучше в кафе-мороженое зайдём.

Лара с Ольгой заказали по вазочке мороженого. Ольга хитро посмотрела на Лару:

— Может, по шампусику?

— Ешь мороженое. Сегодня без шампусика.

В тишине пустого кафе они съели мороженое из металлических, на длинных ножках вазочек и вышли на улицу. Когда Лара садилась в подошедший автобус, она обернулась и сказала Ольге:

— Напиши ей мой адрес для Мио.

Ольга радостно кивала и махала ей вслед рукой.

— 18 —

Милица смотрела на Мио и не испытывала никаких эмоций. Теперь он ей никто. Просто парень. Просто человек. Она выходит замуж за самого прекрасного, за самого фантастического мужчину на земле. Она уезжает к нему навсегда. Она смотрит на Мио, как и на многих людей, проходящих мимо нее в жизни.

— Деньги,— вздохнул Мио,— конечно, деньги. Милая, но деньги — это не сама жизнь. Динар ничто в сравнении с твоей улыбкой.

Милица пожала плечами и ответила:

— Моя улыбка стоит не один динар. И я люблю его не за деньги. Он подарил мне мир, счастье петь. А не искать музыкантов, не уговаривать организаторов. Он подарил мне возможность думать о более приятных вещах. Понимаешь? Я хочу думать о моде, о счастье, а не о динарах.

Мио пошел прочь по улице, по которой они когда-то любили бродить, взявшись за руки, целоваться под каштанами на этой улице и пить кофе в уличных кафе. Он уходил от ее слов, а не от нее. От нее он не сможет уйти. Никогда. Так думал Мио и вечером, и еще много следующих дней. Пока не раздался звонок телефона в его квартире.

— Мио? — звучал в трубке звонкий счастливый девичий голос.

— Да, я Мио,— в замешательство отвечал он.

— Это я, Лара! Я приехала в Прагу! Ты сможешь приехать сюда?

— Лара? Здравствуй Лара! — Мио вспомнил эту хрупкую русскую девушку со стальным характером, которая любила целоваться.— Я приеду! — спешно добавил Мио.

Лара назвала ему отель, в котором остановилась их туристическая группа.

Они встретились на следующий день на Карловом мосту. И это было как сон наяву. Они делали вид, что любят Влтаву, а сами внимательно прислушивались к прикосновениям, к словам. Он ни разу за этот день не вспомнил Милицу. Он смотрел на Лару и верил, что перед ним его счастье. Невозможное счастье. Она уедет в Россию через неделю. И он вряд ли увидит ее еще раз. Он искал выход. Искал возможность быть вместе. И не находил. А вечером в его отельный номер позвонила Милица и спросила:

— Ты встретился с этой русской девушкой?

— Да, — без колебаний ответил Мио.

— Мой будущий муж имеет контракт в России на поставку и монтаж оборудования для газопровода. Поедешь туда работать? Мой жених готов оказать тебе всяческое содействие.

— Да! — Мио уже просто кричал в трубку, что он согласен.

Он ворочался всю ночь. Сон не шел к нему. Он видел лицо Лары. Прекрасное. Он благодарил Милицу и ее будущего мужа, который совсем недавно был его соперником. Он не знал ничего про Россию, про этот газопровод, про оформление документов. Он был готов ко всему. Такова любовь. Лара увидела его красные глаза.

— Ты не спал?

— Нет, милая. Я думал о тебе. Я думал о нас.

— Про то, что у наших отношений нет будущего? — грустно спросила Лара.

— Теперь это будущее у нас есть! Я скоро приеду к тебе в Россию. Работать по контракту! — возбужденно говорил ей Мио, целуя ее пальцы.

— Это невозможно? — удивилась Лара.

— Никогда нет ничего невозможного для того, кто любит! Верь мне, девочка! И я сделаю тебя счастливой! — запальчиво заверял Лару Мио. Потом они ели огромные картофельные драники и пили янтарное пиво в ресторанчике под мостом, на берегу Влтавы. Реки, которая видела на своем веку множество счастливых встреч и грустных расставаний.

— 19 —

Милица после концерта с местной почты звонила домой и сестра плакала в трубку, когда говорила, что отца больше нет. Его застрелили на митинге в Белграде. Вместе с предводителем «Красных тигров» Милошем Иветовичем. Милица сидела у телефона, положив трубку на колени, горько плакала. На похоронах отца она впервые встретилась с молодой певицей Радиславой, теперь молодой вдовой отважного Милоша. Их хоронили с воинскими почестями, которые переросли в стихийный митинг. И наутро по телевидению все смотрели кадры обстрела боснийских городов. Убийство ее отца и Милоша Иветовича стали последней точкой терпения сербского народа.

Она помнила, как восемнадцатилетней девушкой ездила с отцом и сестрой в Сараево помогать расчищать снег на олимпийских объектах. Много людей со всей Югославии съезжалось сюда, чтобы всем миром помочь сделать эту олимпиаду лучшей. И никто в ту пору не мог и представить, что все эти прекрасные спортивные комплексы, арены, новые отели разрушит безжалостная рука войны. Заберет тысячи невинных жизней по обе стороны баррикад. Развалившаяся федерация была бы похожа на рассыпанные бусы, если бы не рванула, словно кровавый фейерверк, на множественные осколки. И имя этой кровавой руке — национализм. Мир хотел предотвратить и изобретал эсперанто. Но каждый по-прежнему хотел говорить на родном языке. Так словенский спортсмен нес флаг Югославии на открытии олимпиады, а приветственную речь говорил не на официальном языке страны, а на своем родном словенском. Почему? Ответ прогремел через восемь лет. Началась Боснийская война и осада олимпийского Сараево. Национализм — словно снежный ком, который катился и увеличивался в размерах, крушил все на своем пути. Снежный ком возмеченного национализма. Мир в одночасье утратил человеческое лицо, явив всем оскал бесчеловечности.

На похоронах отца Милица шла рядом с Радиславой. Красивая, уверенная в себе девушка. Такой и она была в ее возрасте. Но было в Радиславе еще что-то очень харизматичное. Милица слышала много разных разговоров о финансовых аферах при покупке гандбольного клуба ее мужем. Конечно же, партия сербского единства помогла в организации похорон и ее отца. Радислава, несмотря на молодость, почетный

председатель этой партии. Милица всегда уважала женщин, которые могли и умели что-то еще, кроме красоты и вокала. Если бы не разница в возрасте, возможно, они стали бы подругами.

Радислава повернулась к Милице и спросила:

— Мы сможем выпить вместе кофе завтра?

— 20 —

Сегодня комсомольцы завода едут собирать свеклу. В крытой грузовой машине тесно, все подпрыгивают на ухабах сельских дорог. Лара придерживает цветную сетку с термосом и бутербродами. Этот набор, состоящий из термоса с горячим чаем и бутербродов, есть у каждого. Выдергивать свеклу в тягучей полевой грязи под осенним дождем работа малоприятная. А вот перерыв с чаем и бутербродами, с шутками и анекдотами — это самая приятная часть программы помощи сельскому населению в уборке урожая. В конце дня рядом с термосами в сетки набивалась колхозная свекла. Натурпродукт был бонусом к тяжелой физической работе на холоде. Лара вместе с колхозным агрономом определила объем работы. Вокруг сыпались шутки в стиле «от забора и до обеда». На всех городских работниках были резиновые сапоги и штормовки или болоневые куртки. В поле дул сильный ветер. Перчатки резиновые одевали на шерстяные и сноровисто собирали свеклу в тарные ящики. Лара периодически покрикивала на тех, кто пытался отлынивать от работы. Все вздыхали и продолжали собирать свеклу. Чай пили здесь же на мокрой траве. Кое-кто прихватил с собой фляжки спирта с завода. Плескали по глотку в крышки от термосов, залпом выпивали и сюда же наливали чай. Лара сама пила только чай и делала вид, что не видит фляжки. Ольга же глотнула спирта, поморщилась и замахала у рта руками.

— А ты че хотела? Говна в Советском Союзе не делают! — хамовато подбодрил ее кто-то из мужчин.

Ольга демонстративно не подходила к Сане, хотя Яна с ними не поехала. В конце месяца на заводе всегда аврал. Цеха гонят план. Поэтому едут только инженерно-технические работники.

Пока ждали машину в обратный путь, пели хором песни. Ольга горланила громче всех и Ларе было понятно, что сей сольник исключительного для скучающего в сторонке Саньки.

Лара смеялась над Ольгиным вокалом и хлопала громко, когда та заканчивала одну песню и переходила к другой. Мужики уже не стеснясь пили спирт, занюхивая его рукавами штормовок вместо закуски. Анекдоты становились ниже пояса. Лара вздохнула с облегчением, увидев у кромки поля движущийся к ним грузовик.

— Товарищи! Собираемся! Не забываем вещи!

Все затолпились у двери кузова, помогая женщинам подняться, затем ловко прыгали через борт. Саня запрыгнул последним и сел между Ольгой и Ларой.

— С чего это? — повернулась к нему Ольга.

— Да ладно тебе!

Он приобнял Ольгу. Лара делала вид, что ничего не происходит. Расставаясь у грузовика, Лара бросила Ольге через плечо:

— Позвони мне вечером!

И Ольга потащилась вечером к телефону-автомату, потому что разговаривать при родителях с Ларой не хотелось. Она знала, что подруга снова будет корить ее за Саню.

— Не может быть! Какие танки?! — взволнованно кричала Ольга в трубку телефона-автомата.

— Оля, в Москве у Белого дома танки! — говорила ей в трубку Лара. — В нашей стране переворот!

— Ой, Ларчик, что же с нами теперь будет? — испуганно пискнула Ольга.

— Не знаю. Сегодня наш секретарь райкома вернулся оттуда из командировки. Так он в шоке. Кругом демонстрации, митинги! Ты можешь себе представить?

— Неет,— прошептала Ольга.

— Он говорит, что к нему бабка на улице подошла и как стала кричать: «Интеллигент! А хлеб где?» Ты можешь себе представить?

— Неет,— снова прошептала в трубку Ольга.

— Не забудь, завтра с утра в Красном уголке политинформация. К нам придет секретарь райкома. Не опаздывай,— строго завершила разговор Лара.

— Как опоздать то,— вешая трубку на рычаг, шептала Ольга. У кабины телефона-автомата скопилась небольшая очередь из трех человек. Стоящая первой дородная тетка в красном вязанном берете фыркнула на Ольгу:

— С полюбовниками все не наговорятся!

Ольга обернулась к ней:

— Тетя, какие полюбовники? В стране переворот!

Тетка, заходя в кабину, ответила:

— Вот из-за таких распущенных и страну перевернули!

Дверь за теткой закрылась. Ольга пошла к дому, зябко кутаясь в наспех накинутый плащ.

— 21 —

Радислава шла по брусчатке столичной мостовой уверенно. Высокий тонкий каблук делал ее ноги бесконечными. Милица поставила чашку с кофе со следом своей вишневой помады.

— Здравствуйте, мадам Милица,— Радислава села за столик напротив нее.

— Кофе?— спросила Милица, собираясь позвать официанта.

— Нет, дорогая, я пью только горячий шоколад,— Радислава элегантно махнула официанту. Тонкие, но дорогие браслеты поблескивали на ее запястье. Черная кожаная куртка на черном шелковом платье выше колен. На шее массивный крест на массивной цепочке. Милица знала по слухам, что «Красные тигры» занимаются не совсем законным бизнесом, прикрываясь борьбой за свободу. Продолжатели дела легендарного Че Гевары не святым духом питались. В собственности у покойного мужа Радиславы была целая гандбольная команда и это кафе, в котором они сейчас сидели.

— Я твоя поклонница,— начала Радислава, сделав заказ.

Милица смотрела на нее и улыбалась:

— Добавь еще, что ты выросла на моих песнях.

Они обе рассмеялись.

— Так чего ты хочешь? — перешла к делу Милица.

— Ты снова уедешь в Вену, а я останусь здесь. Я всегда здесь. И в войне, и в мире. Мой муж погиб за свободу нашей с тобой родины,— пафосно заговорила Радислава,— Ты, наверное, слышала, что наша семья владеет гандбольным клубом? Так вот, я намерена его продать. Дорого. Твоему мужу.

Милица рассмеялась:

— Наша семья не ведет спортивный бизнес. Только концертный и телевизионный.

— Ты меня не поняла. Я продаю команду твоему супругу. Дорого. А эти деньги пойдут на отстаивание интересов нашего народа.

— Мой муж хорват. И он отстаивает интересы нашей семьи. Он космополит.

— А ты?

— Раскол Югославии — это моя боль. Шрам на всей моей жизни. Только всепрощение и любовь спасут всех нас,— печально ответила Милица.

— Ты неверно толкуешь Библию,— ответила Радислава, вставая из-за стола.— И ты предала свой народ.

Радислава не сказала ей «до свидания». Она просто пошла прочь от кафе по

брусчатке так же уверенно. Милица задумчиво смотрела ей вслед. Нет, она была другой в ее возрасте семь лет назад. Она была занята мужем и детьми. Она была счастлива. Впрочем, как и сейчас. Была ли Радислава счастлива с отчаянным парнем из «Красных тигров»?

Вечером в поезде на Вену она читала свежие газеты. Первая полоса словенской «Катедра» писала о домашнем аресте Радиславы из-за финансовых махинаций при покупке гандбольной команды.

Милица отложила газеты и смотрела в окно на мелькающие пролеты моста через Дунай. Вспомнила, как пела несколько лет тому назад с веселыми русскими туристками песню про Дунай. Вспомнила Мио. Как сложилась его судьба? Мост закончился, в окне полотно скользили пригороды Белграда, домики сел, поля. «Если бы я осталась с Мио, мы бы тоже были в рядах «Красных тигров»,— так думала Милица.— «И какое счастье, что этого не случилось».

– 22 –

Ольга с Ларой шли из кинотеатра по вечерней улице. Свет фонарей выхватывал снежинки предновогоднего снегопада.

— Теперь ты можешь поехать к нему! — уверенно говорила Ольга.— Все! Нет границ! Демократия!

Лара горько усмехнулась:

— Куда к нему? Я не знаю, где он живет. Я ничего не знаю о нем. В Югославии идет война. Бывает, что мечты не сбываются, подруга.

Ольга натянула шарф на подбородок. Мороз к ночи крепчал.

— Да... война. Какой ужас!— Согласилась Ольга.— Я напишу Милице письмо.

Новый год они встречали вместе. Заказали столик в ресторане. Пили шампанское, танцевали. Катались с ледяной горки на площади перед рестораном. Заливисто смеялись, стряхивая снег с пальто друг друга. Под утро разошлись по домам.

А через час ей звонила Ольга:

— Ларчик, ты только не плачь!

Лара аж подпрыгнула:

— Что случилось?!

— Я смотрела новости по телевизору и видела Мио!

Лара выдохнула:

— Не говори глупости!

А Ольга всхлипнула в трубке:

— Я видела... как его убили.

— Говори же ты ясней! — кричала Лара.

— В новостях показывали репортаж из Югославии. Война. Его показали крупным планом. Как он упал убитый...

Лара не знала, что и думать. Ольга фантазерка и это был не Мио. Почему? Он вполне мог воевать. Это его страна. Лара не уснула до утра. А когда заснула, видела во сне море, наполненное солнцем, и слышала голос, который шептал ей: «Прощай, милая».

– 23 –

Туристическую путевку в Белград Лара купила не так уж и дорого. Хотя ориентироваться в нынешних миллионах было сложновато. В самолете она сидела рядом с миловидной дамой, которая вспоминала, как в советское время, будучи студенткой Политеха ездила в стройотряд в Югославию:

— Кроме нас в лагере стояли отряды из Черногории, Сербии, Македонии, Словении, Хорватии, Албании и Польши. Утром мы работали до одиннадцати, а потом

после сиесты пели, танцевали, играли в карты, путешествовали по окрестностям Загреба. Какое-то бесконечное ощущение праздника, несмотря на жару и отсутствие удобств в наших бараках. Моя подруга сербка Фахрета очень увлекалась хиромантией и заглядывала по рукам в наше будущее. И почему то у всех наших боснийских друзей — мужчин линия жизни обрывалась очень рано. Мы тогда решили, что хиромантия это полная ерунда. А через три года началась война...

— А вы сейчас зачем туда летите? — спросила собеседницу Лара.

— Той подружке своей Фахрете помочь еду. Она боснийка. Вышла замуж за серба. Помогу ей переезжать на юг. Устали они от неустроенности. Бояться устали. Детки у нее.

— А виза? Разве за неделю можно успеть? — любопытствовала Лара, потому что у нее тоже была семидневная виза.

— Бог с ней, с визой! Назад все равно пустят,— махнула рукой женщина.— А ты будешь наслаждаться красотами Сербии?

Лара помялась и промямлила:

— Я жениха еду искать. Моя подруга в новостях видела, что он погиб. А я не верю. Может ранили. Или не он.

— Жених твой доброволец из России?

— Нет. Серб.

— Сложно...— задумчиво вздохнула соседка.— Поедем со мной в Вышеград! Моя подруга и ее муж помогут тебе. Одна-то ты как?

Лара с видимым облегчением выдохнула:

— Спасибо! А то у меня и плана не было четкого. Куда, как ехать.

— 24 —

Попутчицу Лары звали Надеждой. И для Лары ее имя стало символичным. В аэропорту они взяли такси и поехали в сторону Вышеграда. Мимо пролетали холмы и поля Шумадии, аккуратные города и поселки. Меж тем, равнины сменились горами. Проехали Ужицу и за стеклами замелькали туннели, обрывы, горные озера и монастыри. Леса были еще в зелени, хотя в России всю шел снег. Картины достатка и мирного спокойствия впервые нарушил пограничный контроль на Боснийской границе. Несколько мужчин с карабинами, в зеленых шинелях стояли у шлагбаума. За КПП пошли совсем иные картины: сожжены дома и целые села. Следы пуль на стенах, полное безлюдье.

Лара поежилась:

— Это война?

Надежда не успела ответить, как водитель сказал:

— Сами виноваты.

Они обе удивленно посмотрели на него. Но водитель молчал. Машина остановилась у большого аккуратного дома. Из калитки выбежала необыкновенно красивая длинноволосая блондинка и бросилась к Надежде на шею. Они обнимались, чмокали друг друга. Наконец обе обернулись к Ларе.

— Фахрета, познакомься, это Лара. Мы познакомимся с ней в самолете.

Фахрета протянула Ларе руку и Лара непривычно пожала ее.

— Здравствуй! Я Фахрета Ячич, певица! Я боснийка, а мой муж серб. Но война здесь стала возможной между боснийцами и сербами. Мои родители были мусульманами. Мои брат и сестра мусульмане. А я приняла христианство, потому что мой муж православный.

Она говорила быстро, напористо, но с вселенской грустью.

— Пойдем в дом!

С ними вышли поздороваться четверо детей Фахреты.

— А где Петран? — спросила хозяйку Надежда.

— Здесь ему быть опасно. Он будет ждать нас завтра в Вышеграде. Я писала тебе, что мы переезжаем в Нови-Козьяк, подальше отсюда. Это глушь, и о концертах пока придется забыть.

Лара удивленно посмотрела на Фахрету. Надежда и Фахрета рассмеялись.

— Фахрета Ячич известнейшая боснийская певица! — пояснила Надежда.

Потом они сидели за столом, ели тефтели в соусе, выпили по стаканчику раки и закусили вяленой козлятиной. Ларе все показалось очень вкусным и острым. Надежда рассказала Фахрете про цель Лариной поездки.

— А в каком городе он жил?

— В Белграде.

— Милица давно живет в Вене с мужем. У нее двое детей. Но она часто приезжает сюда с концертами. Я даже разок пела с ней в одном сборном концерте, — рассказывала Фахрета.

Вскоре стали собираться. С наступлением темноты ездить здесь опасно.

— А где ваши вещи? — оглядела комнату Надежда.

— Я почти все уже перевезла. А с детьми ехать одной боязно. Не за себя. За них, — Фахрета нежно посмотрела на притихших малышей.

У машины, когда хозяйка ушла в дом за вещами, Лара спросила Надежду, неужели она прилетела сюда только за тем, чтобы доехать с Фахретой и ее детьми отсюда до Белграда.

— Год назад здесь у Фахреты похитили сына. Попросили огромный выкуп. Фахрета с Петраном отдали тогда все, что она заработала на эстраде. И этот дом теперь тоже уже не ее. Они оформляют рабочие визы в Америку. А пока поживут в Белграде. Там безопаснее.

— Господи! Как в средние века на Востоке, а не в Центре Европы в двадцатом веке! — ужаснулась Лара.

— А у нас? — хмыкнула Надежда. — Бандиты, рекетиры. Жить и у нас страшно теперь.

Лара согласно кивнула.

— 25 —

Через два дня они приехали в Белград. Фахрета договорилась со своей коллегой по сцене о встрече. Ее покойный муж участвовал в боях Боснийской войны и, может быть, она что-то слышала о Мио.

Радислава царственно их оглядела, снисходительно поздоровалась и, повесив сумочку на ручку стула, элегантно воссела. По другому это и не описать. Лара с Надеждой были очень смущены видом этой шикарной женщины.

— Радислава, моя русская подруга разыскивает своего сербского жениха. Он воевал с твоим мужем в «Красных тиграх». Его зовут Миодраг. Ты ничего не слышала об этом человеке? Подруга говорит, что он молодой и красивый.

Лара покраснела. Радислава без стеснения разглядывала Лару. Надменно улыбнулась:

— Что он в тебе нашел после Милицы? Хотя... Если бы она его любила, то тебе он бы уж точно не достался.

Радислава изящно достала сигарету из красивой, явно американского производства, пачки и продолжала:

— Но он не достался никому. Его застрелили муслики в Сараево.

Фахрета напряглась при слове «муслики».

— Он был настоящим сербом и погиб как герой, — Радислава закурила.

Все замолчали, лишь Лара всхлипывала и слезы катились по ее щекам. Надежда обняла ее за плечи и ласково гладила по волосам.

Радислава оглядела своих собеседниц:

— Есть еще вопросы?

Они отрицательно мотнули головами.

— Ну тогда я пошла. Прощайте!

Она удалилась также, как и пришла: эффектно и легко.

— Мне пора возвращаться,— всхлипнула Лара.

— И мне,— как эхо отозвалась Надежда.

— Спасибо вам, другарки, за помощь,— теперь слезы блестели уже и в глазах Фахреты.

— 26 —

Аэропорт в Белграде только в непогоду становится многолюдным. Сегодня же погода летная, солнце во всех огромных окнах аэропорта. Лара бесцельно бродит среди немногочисленных магазинчиков дьютифри. В парфюмерном бутике красивая ярко одетая женщина выбирает духи. Все продавцы окружили ее. Лара узнала в ней Милицу.

— Милица! Здравствуйте! Вы меня узнаете? — Лара спешит к ней.

Милица повернулась в сторону Лары, разулыбалась и, обращаясь к продавцам, сказала:

— Несколько лет тому назад эта русская красавица увела у меня парня!

Милица смеялась заразительно. «Как Мио»,— подумала Лара, а вслух сказала:

— Он погиб...

Милица перестала смеяться и удивленно вздернула брови.

— Его убили в Боснии,— пояснила Лара.

— Кто сказал тебе такую чушь?! Он давно работает в России по контракту! Ты разве не знала?

— Нет...

— Пойдем, выпьем кофе и поболтаем немного. На мой рейс в Вену скоро объявят посадку.

Лара не чуяла под собой ног. Она смотрела на Милицу во все глаза.

— Не могу сказать, что я рада тебя видеть, но в память о моих отношениях с Мио,— не совсем галантно начала Милица.

Да Ларе было глубоко плевать на ее отношение к ней. Важно узнать правду о судьбе прекрасного Мио.

— Радислава — подлая змея. Такая же, как и ее покойный супруг. Два сапога пара. Бандиты с большой дороги,— не скупилась на эпитеты Милица, после того, как Лара рассказала ей о своей поездке. Она отхлебнула ароматный кофе и, поставив чашку на стол, продолжала:

— Мой муж дал ему работу в России. Он в Сибири строит газопровод. Я спрошу у мужа контакты и пришлю для тебя Ольге. Как она с тобой дружит? Ты плохая другарка. Не сердись, но я честный человек и не умею лгать.

Объявили посадку на самолет в Вену. Милица заторопилась и сказала Ларе вместо прощальных слов:

— Спасибо за информацию о Фахрете Ячич! Я организую концерт для благотворителей в ее поддержку. Она талантливая певица.

Лара сидела за столиком с остывшим кофе и смотрела вслед Милице. Эта женщина вернула ей жажду жизни в очередной раз.

